

Воробьева Светлана Юрьевна

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Статья раскрывает объем понятия "гендер" в сфере литературоведения, определяет границы его применения. Основное внимание уделяется теоретической базе и методологическим перспективам гендерных исследований в гуманитарной сфере в связи с принятием тезиса о дискурсивной природе гендера; уточняются методологические границы таких близких исследовательских практик как феминизм, феминистская критика и гендер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09

Филологические науки

Статья раскрывает объем понятия «гендер» в сфере литературоведения, определяет границы его применения. Основное внимание уделяется теоретической базе и методологическим перспективам гендерных исследований в гуманитарной сфере в связи с принятием тезиса о дискурсивной природе гендера; уточняются методологические границы таких близких исследовательских практик как феминизм, феминистская критика и гендер.

Ключевые слова и фразы: гендер; гендерная асимметрия; дискурс; постструктурализм; феминизм; феминистская критика.

Светлана Юрьевна Воробьева, к. филол. н., доцент

Кафедра литературы, издательского дела и литературного творчества

Волгоградский государственный университет

svewor@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ©

Продуктивность гендерных исследований обусловлена потребностью современного познания в новых, адекватных его уровню развития основаниях и системах координат для оценки мира и человека, потребностью внесения существенных коррективов в антропологическую парадигму общенаучной методологии, испытывающей в настоящее время серьезный кризис. Так, этический пафос гендера тесно связан с идеей консолидации и восхождением к пониманию человечности в новом, неиерархичном образе мира, когда ментальные различия, обусловленные физиологией, начинают восприниматься как факультативные по отношению к ряду категориальных особенностей человеческой личности и получают статус свободного выбора индивидуума.

Тем не менее, «гендер» как одно из ключевых понятий современного гуманитарного знания, давшее номинацию целой сфере научных изысканий, само является предметом серьезных дискуссий. Так, варианты его дефиниций колеблются сегодня от очевидно простых и максимально обобщенных («социальный пол») до развернутых, претендующих на исчерпывающую полноту [4, с. 17]. Сложность определения и применения гендера в современной науке обусловлена рядом причин (см. об этом: [1; 4-6; 7, с. 221-240]), среди них назовем основные:

1) многозначность термина «гендер», обусловленная его этимологической и денотативной соотносительностью с различными семантическими полями: биологический пол, поколение, зоологический вид, грамматический род, литературный жанр, представление о чем-либо, принадлежность чему-либо, социокультурная норма и т.д.;

2) специфика самой номинации: гендер выполняет не дефинирующую функцию, а функцию конструирования: он «конструирует отношения между одним объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенными классом (группой), являясь одновременно и конструктом, и процессом» [1, с. 124];

3) затрудненность его верифицируемых и устойчивых системных ассоциаций с целым рядом ключевых понятий (патриархальный/патриархатный; мужской/мужественный; женский/женственный; феминный/феминистский; феминный/маскулинный; половой/сексуальный и др.);

4) сложность выведения инвариантных признаков гендера вследствие его исторической изменчивости, а также культурной, национальной, этнической и др. обусловленности;

5) неразвитость гендерного образования (особенно на отечественном культурном пространстве), затрудняющая преодоление практик, дискредитирующих подобные исследования в самых широких кругах общестественности (в том числе, научной).

Означенные сложности имеют, скорее всего, временный характер и свидетельствуют лишь о своеобразной «болезни роста», а не об искусственной природе самого понятия, но внести ясность, конвенционно уточнить его прагматику и синтактику, чтобы по возможности устранить дублирование и разночтение, – настоящие задачи современного этапа развития этой области знания, т.к. «только разобравшись со всеми значениями и смыслами понятия “гендер”, можно подумать о том, что означает гендер в неиерархическом мире» [Там же, с. 125].

Гендерный аспект все более популярен и в области литературоведения, открывая новые ракурсы в перспективе изучения феномена художественного текста. Тем не менее, именно в этой сфере научных изысканий сегодня особенно актуален вопрос разработки собственно гендерной методологии. Неразличение ее приемов и приемов «феминистской критики» или «женских исследований» ведут к методологической эклектике и несистемности. В частности, особую актуальность в связи с этим имеет проблема разграничения приемов гендерной и частной поэтик: всегда ли обращение к насущным «женским» проблемам на материале «женской прозы» способно обеспечить именно гендерный подход в исследовании текста и где граница между собственно гендерным и феминистским взглядами на проблему?

Задачей настоящей статьи является уточнение понятия «гендер» в трех аспектах: онтологическом, гносеологическом и методологическом.

Говоря об истоках гендерных исследований, важно отметить, что проблематизация социального пола не случайно возникает именно в период активного становления гражданского общества (XVII в.), но только к концу XX века это дивергирующее соотношение биологической заданности пола и социальной роли индивидуума получает терминологическое обозначение, фиксирующее этот разрыв. Обусловлено это тем, что именно в этот момент исторического развития происходит слияние и взаимообогащение двух альтернативных традиционному антропологическому подходу направлений научной мысли XX века: феминизма и постструктурализма.

Если феминизм, идеология которого была сформирована в недрах политической борьбы за реальные гражданские свободы женщин, нацелен на преодоление правовой асимметрии и ее последствий прежде всего в общественной практике, то методология постструктурализма и деконструктивизма, ставшая теоретической базой искусства постмодерна, активно реализует свою контрстратегию традиционному видению мира в эстетической сфере, нацеливаясь, прежде всего, на деконструкцию авторского всеведения, авторской риторики, метанарративов, всевластие бинарных оппозиций, обслуживающих властную иерархию. Взаимодействие этих двух направлений актуализирует категорию гендерно обусловленного субъекта культуры, проявляющего свою индивидуальность через феномен дискурсивной практики – письмо или текст. Именно поэтому особую актуальность в трудах классиков постструктурализма обретает женская, или «феминная», субъектность, активно подавляемая в ходе всего исторического развития человеческой цивилизации и приобретающая в силу этого некий маргинально-периферийный статус, который и обеспечивает для нее возможность перманентной деконструкции существующего мироустройства.

Женская субъектность «конструируется» в патриархатном обществе структурно враждебным ей маскулинным сознанием, зафиксированным и в системе естественного языка, и в гендерных стереотипах, получивших своеобразное отражение в текстах культуры. Этот вид женской субъектности является, по своей сути, симулятивным, именно его Люс Иригарэ - одна из ведущих представительниц новой феминистской критики - называет «маскулинной феминностью», т.е. женственностью, увиденной глазами мужчины, носителя патриархатного сознания [8, р. 47-56]. Именно это противоречие онтологического характера между природой «женского» и способом его социальной репрезентации в рамках феминистской идеологии, оперирующей в массе своей традиционным, т.е. логоцентричным (патриархатным) дискурсом, приводит к тому, что к концу 1970-х теория феминизма распадается на несколько ветвей и представляет собой отныне довольно пеструю картину [3], фиксирующую, по сути, кризисный характер сложившейся ситуации.

В предлагаемой нами концепции понятия «гендер» и «гендерные исследования» являются не только *закономерным* итогом развития феминизма, но одновременно и высшей стадией его развития, обобщением накопленного им опыта и своеобразным преодолением его, прежде всего, в методологическом ключе. В основе ее лежит разграничение предмета исследования: женщина как субъект истории, социума, государства и женщина как субъект речи, осознающая не только необходимость в собственном голосе, но и способность к нему, обретшая свое «социальное тело», свой дискурс. Жак Деррида описал это явление, теоретически обозначив его термином «феминный стиль письма». Согласно его теории, «феминность» и «феминное» есть определенным образом отношения к реальности, предполагающий децентрацию культурных стереотипов, «размывающих» и «расшатывающих» «доминирование мужского способа мышления в культуре» [2, с. 125].

«Феминное», таким образом, является понятием дискурсивным по своей природе, проявляющим себя как результат деконструкции патриархатного дискурса. В отличие от него категории «женское» и «женственность» либо непосредственно соотносены с биологическим полом и, отсылая к анатомии физического тела, не являются в этом случае дискурсивными, а следовательно, и гендерными понятиями, они остаются в рамках феминистской проблематики и методологии, либо их употребление ограничено рамками патриархатного фаллоцентричного дискурса и указывает на симулятивный объект-конструкт, не связанный с реальным означаемым (игнорирующий его).

Ответвление радикального феминизма, активно усвоившее методологию постструктурализма, получило название «феминной критики». Ведущие представители этого, очевидно, обособленного в рамках современного феминизма направления – Юлия Кристева, Хелен Сиксу, Люс Иригарэ, Джудит Батлер, Тереза ди Лауретис и др. – успешно конкурируют с философами постструктуралистской ориентации и с психоаналитиками постлакановской волны на почве деконструкции эпистемологического базиса современной западной философии, формулируя принципы новой (гендерно чувствительной) логики исследования традиционных проблем [7, с. 221].

Фактически именно феминизм, обращенный к анализу дискурсивных практик, и порождает гендерную методологию, точнее, настоятельную потребность в ней. Это вытекает из самого способа выявления «феминного» в тексте культуры через деконструкцию традиционных (патриархатных) стереотипов, который вынужденно выводит такого рода исследование на анализ дискурсивных стратегий представителей всех типов гендерного сознания.

Неразличение феминистской и гендерной терминологических и понятийных парадигм – одна из главных, на наш взгляд, причин слабой методологической базы гендерных исследований.

Предмет феминизма – положение женщины в обществе, проблема ее равноправия, ее социального присутствия, ее отношения к полю власти как правового субъекта, ее реальные права и свободы и их формальное закрепление в законодательных актах, ее физиология, ее психология, проблемы воспитания и социализации в обществе. Феминизм исходит из концепции женщины как репрессированного субъекта. Он оперирует фактами исторической реальности. Текст в рамках феминистского исследования интересен только как

носитель информации, поэтому его дискурсивная составляющая методологически игнорируется, «снимается», т.к. важен содержательный, а не структурный аспект текста. Применительно к художественным текстам в этом случае важным становится выявление авторской позиции через прямые оценки, содержательные компоненты речи автора и его персонажей.

Предмет гендера – тот же текст в его постструктуралистском прочтении, но уже с более узкой задачей выявления в нем полоролевых проявлений индивидуума («говорящей личности»). Цель гендера как методологии связана, таким образом, с выявлением когнитивных, коммуникативных и эстетических потенциалов говорящей, гендерно соотношенной личности.

Более тесная методологическая соотношенность гендера с практикой постструктуралистского анализа дискурса позволяет не только последовательно разграничить сферы функционирования гендера, феминизма и феминистской критики, но и адекватно этому выстроить систему терминологических обозначений для тех объектов, предметов и процессов, которые являются общими для их изучения.

Соотнеся три ключевых для истории гендера понятия, обозначим границы их компетенций:

- феминизм проблематизирует репрессированное положение женщины как социального субъекта;
- феминистская критика проблематизирует дискурсивную асимметрию феминного по отношению к маскулинному в пространстве текста культуры;
- гендер проблематизирует типологию соотношения феминного и маскулинного в дискурсе культуры различных исторических эпох.

Гендер – порождение нового типа мышления, который синтезирует методы постструктурализма и деконструктивизма, нацеленных на поиски новых мыслительных технологий, с идеологическим пафосом одного из ответвлений современного неомифинизма, утверждающего уникальность женской субъектности, обретая, таким образом, свою цель и свою методологию. Сегодня содержание понятия «гендер» соотносится, на наш взгляд, с четырьмя основными сферами его бытования и перспективного применения:

- гендер (в онтологической сфере) – социальный пол, находящийся в оппозиции с биологическим полом как некая реальность дискурсивной природы, относительно недавно ставшая предметом изучения ряда смежных наук и осмысленная ими как член бинарной оппозиции, в основе которой – противопоставление изначальной природной (биологической) заданности человеческого организма и свободы выбора собственной социальной идентичности человеческой личностью;

- гендер (в историко-социологической сфере) – конкретная социально-культурная конструкция сексуальности, набор или система сформированных в данный исторический момент обществом или индивидуумом гендерных стереотипов, формирующая не бинарную оппозицию, а парадигму ролей, спектр которых получает отражение в продуктах (текстах) массовой и межличностной коммуникации (в том числе и в искусстве);

- гендер (в коммуникативной сфере) – способ дискурсивного конструирования и самоидентификации субъекта в культурном пространстве (в том числе через продуцируемый им текст), или соотношение и взаимодействие социальных ролей пола с биологическими параметрами индивидуума, степень их кон- и дивергенции;

- гендер (в гносеологической сфере) – способ выявления гендерно соотношенных дискурсов в тексте культуры, методология анализа и интерпретации текста с учетом гендерно соотношенной субъектности автора.

В силу своей неоднозначности само понятие «гендер» не может не провоцировать некоторые разночтения, впрочем, вполне преодолимые при условии концептуального единства взглядов на генетически родственные ему понятия «феминизм» и «женские исследования». Обеспечить это единство способны только теоретические построения, учитывающие динамику происходящего *телеологически*, сообразно с некоей трансцендентальной целью, соположимой, например, с идеей общественного прогресса и всеобщего благоденствия.

Активное включение гендера в общенаучную парадигму – это лишь частное проявление тотальной смены методологических приоритетов в науке XXI века, следствие все более активной ревизии научной картины мира. Вектор этой активности, постепенно сдвигаясь в сторону от эссенциализма и метафизики к гетерогенным, открытым самоорганизующимся системам, нацелен на постоянный и настоятельный поиск наукой новых гносеологических и аксиологических координат, новой «точки исхождения поступка», которая, тем не менее, была бы органична и нечужеродна всей предыдущей культурной традиции.

Список литературы

1. Абубикирова Н. И. Что такое «гендер»? // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 123–125.
2. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2-3. С. 118-129.
3. Ильин И. П. Феминизм // Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения); INTRADA, 2001. С. 307–317.
4. Макаров В. В. Основные принципы философии пола: ст. первая. Биологический диморфизм, гендерная симметрия // Женщина в российском обществе. 2001. № 1-2. С. 15-21.
5. Трофимова Е. И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия: материалы международного семинара. Саратов, 2001. С. 246-255.
6. Тукачева Ю. С. Социально-философская сущность гендера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. 1. С. 157-160.
7. Усманова А. «Беззащитная Венера»: размышления о феминистской критике истории и теории искусства. Минск: ARCHE, 1999.
8. Irigaray L. Ce sexe qui n'en est pas un. Paris: Grasset, 1977.

THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASES OF GENDER RESEARCHERS IN LITERARY CRITICISM

Svetlana Yur'evna Vorob'eva, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Literature, Publishing and Literary Creativity
Volgograd State University
svewor@yandex.ru

The author reveals the volume of the notion "gender" in the sphere of literary criticism, determines the limits of its application, pays special attention to the theoretical basis and methodological prospects of gender researches in classical sphere in connection with the adoption of the thesis about its discursive nature; and makes more exact the methodological limits of such similar research practices as feminism, feminist criticism and gender.

Key words and phrases: gender; gender asymmetry; discourse; post-structuralism; feminism; feminist criticism.

УДК 81'23

Филологические науки

Данная статья является частью работы, посвященной исследованию коммуникативной деятельности человека в нетипичной ситуации. В статье излагаются результаты проведенного психолингвистического эксперимента, целью которого было установить особенности порождаемого спонтанного текста в условиях стресса. Чтобы выделить смысловые единицы порождаемого текста и проследить их логичность, автор вводит понятие «мыслеблок», который представляет собой некое целое, объединяющее однородные по модальности ассоциации. В статье предлагается классификация смысловых единиц и связей между ними, а также устанавливается зависимость характера реакции от типа стимула.

Ключевые слова и фразы: сознание; мышление; психолингвистический эксперимент; порождение; спонтанная речь; стрессовая ситуация; мыслеблок.

Анастасия Борисовна Воропаева

Кафедра русского языка и литературы

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

worldroads@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СПОНТАННОГО РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ©

Исследование спонтанного речепорождения в условиях стрессовой ситуации является перспективным научным направлением, так как позволяет, как считает автор статьи, приоткрыть завесу трудно постижимого человеческого сознания. Ситуация стресса способствует созданию непривычных, порой неестественных условий для индивида, что заставляет его мышление работать с высокой степенью интенсивности [4]. Загруженность оперативной памяти человека с одновременной задачей производить текст в устной форме обнажает некоторые механизмы речемыслительной деятельности, которые можно определить по особенностям порождаемой речи [2].

С целью изучения спонтанного речевого поведения носителей русского языка был проведен психолингвистический эксперимент, специфика которого заключалась в том, что он проводился индивидуально с каждым носителем языка, и информант должен был, не задумываясь, по возможности избегая пауз, создать текст в устной форме. Завершение речепорождения определялось экспериментатором, останавливающим продуцента при возникновении продолжительной паузы. Речепорождение текста фиксировалось диктофоном.

В качестве респондентов выступили студенты и преподаватели Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, а также жители села Советского Алтайского края. При анализе результатов учитывался пол и профессиональная принадлежность испытуемых.

Первоначально привлекаемый к эксперименту материал был представлен малочастотными именными словосочетаниями с целью подключить к спонтанности речепорождения также ситуацию стресса. Чтобы провести сравнение, в дальнейшем были включены и распространенные сочетания, в том числе глагольного характера. В качестве материала психолингвистического эксперимента были использованы следующие стимулы: «малиновый пиджак», «безответная любовь», «необузданное воображение», «грязные истории», «нарисовать картину», «читать книгу», «нарисовать перспективу», «далеко ехать».

В результате пилотажного эксперимента были получены следующие данные. Минимальная протяженность порождаемого текста без учета семантики стимула составляет одно слово, максимальная – двадцать два (при подсчете учитывались только знаменательные единицы). В среднем же размер текста, представленного большинством информантов, исчислялся восьмью-двенадцатью единицами.